

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ИВАНА
ГРОЗНОГО

МЕСТЬ ПО-ЦАРСКИ

Спецназ Ивана Грозного

Александр Тамоников

Месть по-царски

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Мечь по-царски / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2018 — (Спецназ Ивана Грозного)

ISBN 978-5-04-098551-7

1553 год. Трагически погибает сын Ивана Грозного царевич Дмитрий. В ходе следствия выясняется, что ребенок стал жертвой тщательно спланированного покушения. Известно и имя организатора убийства – князь Василий Ростов. Он бежит в Ливонию, надеясь за границей спастись от неминуемой расправы. В погоню за преступником царь посылает специальный отряд под командованием князя Дмитрия Савельева. Только этим богатырям под силу такая опасная операция. Савельев настигает беглеца и уже готов схватить его. Но в последний момент князь Ростов делает неожиданное признание: он – всего лишь жертва оговора, а настоящие душегубы до сих пор на свободе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098551-7

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Александрович Тамоников

Мечь по-царски

© Тамоников А.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава первая

Май 1553 года, Москва.

После вечерней молитвы и трапезы князь Савельев с супругой княгиней Ульяной прогуливались по саду. Вдоль городьбы зацвели вишня и груша, появились цветы на яблонях, повсюду распускались сирень, черемуха. Звенели перелетавшие от цветка к цветку шмели. Кругом был запах весны, запах жизни.

Князь и княгиня шли по мощеной тропе, меж разных кустов, умелыми руками ключника Семена Габры, знатного садовника в недавнем прошлом, они, кусты эти, превращены в малую, живую изгородь. За ней мелкая еще, но густая трава. На душе покойно, хорошо.

Сыграли свадьбу тому уже два года. Ульяна понесла. Уже заметен под сарафаном выпуклый живот. Ульяна часто смеялась – а вот как нарожу тебе двойню? Тому князь только радовался, он хотел много детей.

Они прошли до задней калитки. Оттуда открывался вид на Москву-реку. Уже темнеет, а ладьи, струги, а более всего – лодки все еще плыли вниз и вверх по спокойной реке.

Ульяна прижалась к Дмитрию.

– Всегда бы так. Вечером в цветущем саду.

– Ну цвести деревья и кусты недолго будут, родная. Неделя, две и облетят цветы.

– Почему ты такой скучный? – наигранно поджала губы Ульяна. – Молвил бы, цвет сойдет, а запах останется.

– Хорошо, запах останется. В саду всегда любо. С каждым годом зришь, как растут деревья, пышнее становятся кусты, густеет трава.

– И ветер ныне такой тихий.

Савельев почувствовал дуновение прохладного ветра с реки, взял княгиню под локоть.

– Пойдем, Ульяна, свежо становится, тебе в тепле боле быть треба.

Молодая княгиня вздохнула.

– Да, пора домой. А как не хочется...

Они прошли во внутренний двор, оттуда по лестнице на верхнее крыльцо. Из него чрез сени в светлую, просторную горницу. Появление в доме Ульяны словно вдохнуло в него жизнь, сделало желанным, уютным, так могут только женщины, входящие в жилище с любовью и добротой.

Помолившись на образа в красном углу, где горела лампада, Дмитрий усадил Ульяну в деревянное кресло у окна, прикрытого красивой, но не броской занавеской. Сам двинулся к сеним, но в дверях появился ключник Семен Габра.

– Дозволь войти, князь?

– Да,ходи. Что у тебя, Семен?

– Извиняй, князь, но к тебе гонец.

Дмитрий и Ульяна переглянулись.

Княгиня переспросила:

– Гонец? От кого в это время?

– Посланец сказывал, что поведает тока князю Савельеву.

Дмитрий уже понял, от кого гонец, но жене говорить не стал. Незачем расстраивать раньше времени. Может, дело-то пустяковое. А то, что предстоит дело, он не сомневался. Просто так гонец не приехал бы.

– Ты погоди, Ульяна, а хочешь ступай в опочивальню, Авдотья тебе поможет, Семен кликнет, она и придет.

– Нет, я дождусь тебя.

– Хорошо. Подожди.

Ключник отступил в сторону, пропуская князя, кивнул княгине и вышел в сени, притворив за собой дверь.

Ульяна устроилась удобнее, погладила живот. Ей это очень нравилось, словно дите гладит, еще в утробе нежность даря.

Князь вышел во двор, подошел к воротам.

Служка Прошка открыл калитку.

На коне молодой горделивый всадник лет восемнадцати.

– Доброго здравия, воин!

– И тебе, князь, лет долгих. Я от князя Юрия Петровича Крылова.

– То ведаю.

– Откель, коль не тайна? Аль я на других не похож?

– Ко мне больше ни от кого гонцы не приезжают. А ты пригож, видать в силе, девки за тобой, наверное, табуном бегают.

– Ну не табуном, но не чураются.

– Ладно. Когда треба быть у князя?

– Завтра, после утренней молитвы и трапезы. На подворье Юрия Петровича.

– Добро, передай князю, буду.

– Доброй ночи, князь.

– Доброй, я так и не узнал твоего имени.

– Андрюша.

– Доброй и тебе ночи, Андрюша.

Гонец чему-то улыбнулся, ударил плетью коня, и тот понес его галопом по опустевшей улице.

Савельев вернулся в дом, велел прислуге, чтобы закрывали ворота и отправлялись на покой, поднялся в горницу.

Ульяна, завидев мужа, только и спросила:

– Что, Дмитрий?

– Да ничего пока, лебедушка ты моя.

– От кого посланец был? Я разумею, что в дела мужчин женщине встречать не след, но интересно же.

– От князя Крылова.

– О Господи, – проговорила Ульяна, – значит, Государю ты опять понадобился.

– Покуда, родная, то ничего не значит. Пойдем в опочивальню, спать пора.

Люди ложились спать с закатом, но вставали с рассветом. Впрочем, это боле для крестьян, в городах крупных вельможи вставали не с рассветом, но тоже рано. Не имели привычек валяться в постелях, покуда солнце лучом своим не заиграет в опочивальне.

Ульяна поначалу ушла в комнату, где служанкой была приготовлена вода теплая и рубаха ночная. Помылась, переделась. Потом зашла в опочивальню. Вскоре они уже спали.

О вызове Крылова Савельев не думал. Смысл гадать, коли все одно не угадаешь? Ну, а раз потребовался Государю, то след исполнять его повеление. Какое? То уже завтра станет известным. Иначе не стал бы князь Крылов вызывать на утро.

Погода весной изменчива. С утра накрапывал весенний дождь, днем светило еще нежаркое солнце, вечер выдался покойным, свежим, как и должно для мая месяца. А вот в ночь вдарил ливень, раздались отдаленные раскаты грома. В оконце заиграли, как зарница, отблески молний, и уже к полуночи над Москвой вовсю гуляла гроза. Поднялся ветер, который бросал воду на оконце и стегал его ветвями березы.

Наконец ветер стих, гроза ушла на север, наступила тишина, прерываемая капелью, спадающей с крыши, да приглушенными голосами с реки. Рыбаки промышляли без устали денно и ночью, чтобы поутру на лотках и прилавках торговых рядов выложить свежих лещей, щук,

окуней, сазанов, меньше – стерляди. Но и та была не для всех. Дорога такая рыбка для люда посадского.

Савельев проснулся, по обыкновению, рано.

Прислуга встала еще раньше, на рассвете, кухарка подогревала воду для умывания, растапливала печь для приготовления трапезы. Семен Габра проверял хозяйственные постройки, давал воды коням, прочей скотине, которая в небольших количествах, но водилась на подворье. Служка, как всегда, помогал всем.

Умывшись, одевшись, князь и княгиня пошли в ближайший храм, на утреннюю молитву. Вскоре вернулись. Потрапезничали. Дмитрий вышел во двор.

Габра держал за поводья коня князя.

Поцеловав Ульяну, Дмитрий выехал с подворья.

Княгиня перекрестила его вслед.

Спустя некоторое время Савельев подъехал к дому Крылова.

Его ждали. Слуга открыл ворота, впустил всадника.

Встречал Савельева сам князь Крылов.

– Доброго здравица, Дмитрий Владимирович.

– И тебе тако же, Юрий Петрович. Ты звал, я приехал.

– Будь как дома.

Спрыгнув с коня и передав повод княжескому конюху, Дмитрий улыбнулся:

– Ну мне до такого дома еще далеко.

Усадьба Крылова отличалась красотой и роскошью. Дом посреди усадьбы, большой двухэтажный, ворота городьбы украшены образами, большая лестница с резными перилами, крыльцо с балясинами. На верхнем этаже просторная горница. Из горницы двери в покои. Кроме главного дома, различные постройки. Гостевой дом, новая, чистая конюшня, клетки. Позади – сад с цветниками. Также у приближенного к царю князя было более двух десятков холопов и крупные вотчины не только у Москвы, но у Владимира и у Твери.

– Ничего, Дмитрий, какие твои годы. Наживешь еще. С такой-то хозяйкой, как Ульяна Степановна. Кстати, как ее здоровье?

– Слава Богу, все хорошо, князь.

Савельев подошел к Крылову, и они обнялись, трижды коснувшись щеками, покрытыми густой растительностью.

– Прошу наверх, князь.

– Благодарю.

Они поднялись в горницу.

Там все та же роскошь. Кресла, как троны, стол, начищенный до блеска, покрытый частью кружевной скатерти. Пол застелен дорогим персидским ковром. Оконца, как во дворце, из разноцветного стекла, стены чисто выбелены, на них различные украшения местных умельцев. Над входом чучело кабаньей головы, личного охотничьего трофея Крылова.

В красном углу большой иконостас, на который вельможи помолились, зайдя в комнату. Хозяин указал Савельеву на стул у стола, сам присел на такой же у оконца.

– Не буду тянуть, Дмитрий! У государя для твоего отряда есть новое задание.

Дмитрий внимательно посмотрел на Крылова.

– И что за задние? Или не ведаешь?

– Отчего же, ведаю, но государь сам все тебе объяснит.

– Скажи, далеко от Москвы?

– Не близко.

– Ясно. Когда мне след быть у государя?

– А прямо сейчас и поедем.

– Я готов.

– А я тем паче. Хотел только предупредить тебя, князь: не задавай государю лишних вопросов, не отымай времени.

– А если что непонятно будет?

– Я объясню.

– Государь опять болен?

– Слава Богу, огненная болезнь, что свалила Ивана Васильевича и едва не привела к его преждевременной кончине, не повторяется, но последние дни чувствует он себя не совсем хорошо, быстро устает.

– Я понял, Юрий Петрович.

– И еще, я должен знать, как скоро ты сможешь собрать свой отряд.

– Сам отряд собрать недолго. Оповестить ратников, и они будут, где надо, уже вскорости.

А вот сколько времени уйдет на сбор всего необходимого, зависит от того, что за задание даст царь.

Крылов сказал:

– Обеспечение похода государь наверняка поручит мне, ты тем не тревожь его, а я сделаю все быстро. Твои ратники, значит, все на месте?

– Им до особого моего распоряжения или личного разрешения выезжать из столицы запрещено. Они все в Москве.

– То добре. Поедем, князь!

Савельев подумал, и чего поднимались? О чем гутарили, могли говорить и во дворе.

С верхнего крыльца Крылов проговорил:

– Ко мне недавно князь Остров заезжал!

– Да? – сообщение не удивило Дмитрия, тесть любил ездить по вельможам. – И о чем вы говорили со Степаном Гордеевичем, если, конечно, это не секрет?

– Ну какой секрет?! О жизни грешной нашей. Он вельми доволен браком дочери Ульяны, хотя, насколько знаю, поначалу не желал его.

– Всякое меж нами было, Юрий Петрович. Главное, добром закончилось.

– И все же он пожалился мне.

– И на что же?

– На то, что ты не больно ласково привечаешь его.

– Как могу, так и привечаю. И если он желает видеть дочь, то может взять с собой княгиню Василису Гавриловну и приехать на подворье в любое время. Пробыть у нас столько, сколько душе угодно. Да вот только и Ульяна-то не особенно рада гостям. У нее характер такой. Не переносит шума, застолий, долгих сидений за столом, пиров. Ей больше по нраву тишина и покой в собственном доме. Любому приему она предпочитает гуляние по саду, сидение у цветников с разными растениями, какие сама выбирает. И ведь ведает, что из них будет расти, а потом цвести, а что нет.

– Да, у каждого свои привычки. Хорошая у тебя супруга.

– Очень хорошая.

Они спустились во двор.

Слуги подвели коней.

Всадники выехали с подворья и направились к Красной площади, затем через ворота Спасской башни въехали на территорию Кремля. Оставили коней возле Великокняжеского дворца.

К ним бросились слуги, взяли под уздцы коней. Появился окольный Алексей Федорович Адашев. Он поприветствовал князей, сообщив, что государь ждет их.

Крылов прекрасно знал расположение помещений дворца и повел Савельева к малой зале, где обычно Иван Васильевич собирал ближних бояр и верных людей.

Царь Всея Руси сидел на троне, копии большого трона, с посохом в руке, в обычной, не праздничной одежде.

– Дозволь, государь? – спросил Крылов, входя в малую залу.

– Входи, Юрий. Входи, Дмитрий.

Князья зашли, поклонились. Царь указал на лавку у стены слева от себя, покрытую ковром.

Князья подчинились.

– Долгих лет тебе, государь.

– И вам тако же. Жизнь нам дана Господом... – при тех словах все перекрестились, – однако кто-то желает поставить себя выше Бога.

Савельев взглянул на Крылова, к чему это клонит царь, непонятно.

Иван же Васильевич продолжал:

– Я не сошел с ума, начав речь такими словами. Вам известно, что недавно моя жизнь находилась на грани смерти. И не по воле Божьей, а по коварному замыслу заговорщиков. И не умер я, хотя должен был в планах княгини Ефросиньи Старицкой, видевшей на троне сына своего, Владимира Андреевича, только благодаря усилиям моей почившей в бозе матушки, царицы Елены Глинской. Потому как с малолетства давала мне немного яда вместе с кушаньями. Сначала я не осознавал, пошто она то делает, потом понял. Огненная болезнь была вызвана отравлением. То подтвердили многие доктора и лекари. И Старицкие были в шаге от престола, но... Господь не дал свершиться смертоубийству, я выжил. Мать спасла сына, себя же не сберегла, коварно отравленная чрез пять годов после тоже странной смерти отца моего Великого князя Василия III. Но дьявольский замысел заговорщиков не удался, на троне я, а не Владимир Андреевич Старицкий, отчего кое-кто на Руси бесится от злобы и бессилия, и в первую голову все та же Ефросинья. Но да ладно. Не за тем я позвал вас сюда, князья.

Царь встал. Покачнулся, опираясь на посох, скривившись от боли, прошелся по зале.

– По донесениям людей наших в Крыму, хан Девлет Гирей под давлением султана Османской империи Сулеймана I, которого называют Великолепным, готовит новые набеги на Русь. Еще не стерты в памяти разбой Касай мурзы и ногайцев в Рязанских землях в год Великого пожара и в позапрошлом году. Все мы помним, как Девлет Гирей пытался сорвать поход русской рати к Казани, напав на наши дружины у Тулы.

Савельев улыбнулся.

Царь бросил на него острый взгляд.

– Да, ты-то, князь, те дела должен помнить хорошо. Я же посылал и твой отряд на помощь нашему войску. И ты вместе с другими воеводами, а тако же большой ратью сильно потрепали татар.

– Было дело, государь.

– Да, но – к набегам крымчан. По доносам наших людей, Девлет Гирей желает этим летом послать на русские земли отряды для разорения уделов по большой и малой засечным линиям. А на юге у нас сил мало. Если города еще худо-бедно имеют стражу городскую с пушками, то деревни и села беззащитны. Сторожа, что есть в селениях, по засекам годны для разведки, но не для обороны. Они, конечно, будут драться с ворогом за свои дома, села, только без надежи на успех. Девлет же Гирей намерен высылать свои орды для захвата ясыря, людей для продажи на невольничьих рынках крепости Кафы и Кезлева. А главными покупателями, так как на разбой крымского хана толкает султан Османский, являются османские купцы. Много охотников до живого товара и в Генуе. После казанского похода в прошлом году мы сейчас не можем выслать против отрядов Девлет Гирея значительные силы, однако потрепать их отряды, совместно с местными жителями, сторожами, а тако же ратниками крепостей в наших силах. Да, я ведаю, что это не то, что треба, однако хоть так противостоять крымскому хану, ибо полная безнаказанность, наше бездействие впоследствии приведут к печальному концу. Татарам

нельзя показывать слабину, да и любому другому врагу, но татарам особливо. Почувяв слабину, они вгрызутся в Русь, как цепные псы. А вот коли получают отпор, пусть и малый, то мурзы призадумаются, а стоит ли разбойничать и далее, не приведет ли это к поражению. И вместо тысяч акче, местных крымских денег за невольников, не получают ли они могилу в степи. Ведь у них как: покуда грабят беззащитные села, то все они батыры – богатыри, а как только мужики возьмутся за топоры да вилы, то трусливо отходят и зовут помощь. Следует тебе, Дмитрий Владимирович, собрать в ближайшие дни свою особую дружину, взять все необходимое для длительного перехода и стояния в леммах или других местах лагерем временным, заполучить царскую грамоту, двинуться в Калугу, прямо к воеводе князю Ивану Васильевичу Горинскому. С ним обговорить действия особой дружины совместно с теми силами, что сможет он выделить. Обеспечение похода – на князе Крылове. – Царь перевел взгляд на Крылова. – Это понятно, Юрий Петрович? Дать князю Савельеву все требуемое для выполнения задания. И еще гонцов, ибо своих людей он отправлять не может, дружина его и без того немногочисленна.

– Сделаю, государь.

– Деньги на то ведаешь, где получить. Я распоряджусь.

– Да, государь.

Иван Васильевич вновь взглянул на Савельева.

– Требовать от тебя, князь, не могу ничего. Прошу лишь, покажи крымчанам, что более безнаказанно грабить наши земли они не будут, а главное, спаси тех, кого можно спасти. Бог тебе в помощь. Коли есть, что спросить, спрашивай.

Савельев проговорил:

– Дружина особая костью ляжет за Русь нашу, но... что серьезного смогут сделать четырнадцать пусть и лучших ратников супротив орд татар крымских и ногайцев?

– Ты будешь не один. Особая дружина пойдет к Калуге. Такие же дружины, собранные из полков обороны Москвы, я направлю в другие места: к Козельску, Серпухову, Мурому, Новгород-Северскому, Путивлю. Туда, где могут объявиться отряды Девлет Гирея. Они не так подготовлены, как твоя дружина, но опыт приходит в делах.

– То верно, государь.

– А я с царицей и царевичем Дмитрием поеду в монастырь Святого Кирилла.

– Так далече? – Савельев.

– То было мое слово, а его сполняю всегда.

Иван Васильевич сел в кресло, вытер платком запотевший лоб, видно слабость вновь дала знать о себе, махнул рукой.

– Ступайте с Богом, князь.

Поклонившись, Крылов и Савельев вышли из залы. Государева стража расступилась, и они беспрепятственно вышли на улицу.

Там их ждали слуги с конями.

Вскочив на скакунов, князя направили их к Спасской башне, через нее к подворью Крылова, решать, что нужно взять с собой особой дружине Дмитрия Савельева.

В усадьбе перво-наперво прошли в домовую церковь, помолились о благополучном исходе дела. Подошло время обеденной трапезы. Прислуга Крылова выставила на стол гостевой залы дома-дворца князя многочисленные и разнообразные кушанья, подала в ендавах мед.

Потрапезничав, вельможи ушли в соседнюю комнату. Там обстановка строгая, деловая, ничего лишнего: стол с лавками, покрытыми коврами. На столе бумага, письменные принадлежности, карты разных земель Руси, с обозначением засечных линий и шляхов, Муравского, по которому обычно двигалась на Русь крымско-ногайская орда, начинавшегося от Перекопа и ведшего к Туле, Пахнутцева, отходившего от Муравского до Орла, Изюмского вдоль реки Оскол, срезавшего посередине все тот же Муравский шлях. Карты окрестностей Тулы, Рязани, Калуги, Серпухова, Путивля и других городов-крепостей вдоль засечных линий.

Присели на лавки.

Крылов отодвинул бумаги и письменные принадлежности на край, оставив только карту окрестности Калуги.

Сказал, глядя на нее:

– Калуга. До нее от Москвы где-то сто семьдесят верст, это дружине с обозом четыре дня пути.

– Можно пройти и за три.

– Зачем? Чтобы потом в Калуге тратить пару дней на отдых?

– Пусть четыре.

– Оружие берете, что всегда, доспехи тоже?

– Да, – ответил Савельев, – коли потребуется еще что, думаю, воевода Калужский пособит.

– Это так. Провизии тебе надо на неделю.

– Пошто на неделю? Что, князь Горинский не выдаст харчей?

– Не будешь же ты возвращаться каждый раз в Калугу? Запас завсегда иметь треба.

– Провизию нам в селах и деревнях местный люд даст. Для защитников ничего не жалко.

– У народа для себя едва хватает.

– Хорошо, на семь дней. Значит, в обоз нам требуется две телеги с тягловыми крепкими лошадьми. Возницы опять же.

– Завтра к утру обоз будет снаряжен. И возниц подберу надежных.

– Государь молвил о гонцах. Кого собираешься выделить, Юрий Петрович?

– Есть у меня нужные люди. Татары служивые. Такие, что на дыбе слова не вымолвят.

– Эти тако же завтра будут?

– Да.

– Ну тогда завтра с утра и тронемся в путь, на Калугу.

– Ты за нынешний день успеешь подготовить дружину?

– Успею.

– Тогда пусть будет так. После утренней молитвы и трапезы выводи людей своих за Москву к Калужской дороге. Выводи мелкими группами, а лучше по одному, по двое. В трех верстах слева роща с оврагом. Там встретимся. Оттуда и провожу в путь не столь дальний, сколь опасный.

– Ничего, князь. Мы же привычные.

После полудня воевода особой дружины подъехал к подворью своего помощника, старшего из всех ратников Гордея Никодимыча Бессонова.

Тот только что вернулся с ярмарки. Не успел отвести коня в конюшню, как услышал от ворот:

– Доброго здравия, Гордей!

Ратник обернулся:

– Воевода? Не ожидал, и тебе долгих лет. Пошто на улице стоишь? Ворота открыты, заезжай.

– Нет, Гордей, сам подойди!

– Серьезное дело?

– Подойди.

Передав коня повзрослевшему сыну Власу, Бессонов вышел за ворота:

– Слушаю тебя, воевода.

– Обойди всех наших, и служивых татар тоже, передай, чтобы, как стемнеет, подошли, не привлекая внимания, к задней калитке моего подворья. Это со стороны реки.

– Да ведаю, как стоит твое подворье. А что за дело-то?

– Вечером и узнаете.

– А чего родным и близким сказать? Ныне у нас не так, как раньше, почти все семьями обзавелись, окромя Осипа Горбуна.

– Да, тот чего-то не торопится.

Бессонов усмехнулся:

– У Осипа не все так просто, как у других.

– Что, никак зазнобу не встретит?

– Да девок-то полно. И знакомится со многими, тока девки, как только узнают Осипа, бегут от него.

– Пошто так? – искренне удивился воевода.

Бессонов рассмеялся:

– Осип же у нас богатырь, малый здоровый, глянь на ладонь, не ладонь, а лопата.

– И что?

– А то, что и мужское достоинство у него такое же. Большое вельми. Вот девки, да и бабы, прознав про то, и отшивают Горбуна.

– Первый раз о таком слышу.

– Но это так. Вот Осип один и мается. Вишь, как выходит, малое достоинство плохо, большое еще хуже.

– Ничего, найдет подходящую девку или бабу вдовую.

– Ну со временем, конечно, найдет, тока покуда не получается.

– Так, Гордей. Задачу понял?

– Как не понять? Вечером, как стемнеет, вся дружина у тебя на подворье. Зайти по одному, со стороны реки, по саду.

– Сполняй! Я у себя!

– А сейчас-то от государя?

– Можно и так сказать!

– Как он? В смысле – здоров?

– Здоров. Делами занимается.

– Да, у него дела не то что у нас, грешных, – государственные, от них вся жизнь Руси святой зависит.

– Верно. Ну, поехал я. Вечером жду.

– С Богом, Дмитрий Владимирович.

Савельев направился на подворье.

Служка Прошка принял коня.

– Где княгиня?

– Недавно пошла в сад.

– Одна?

– Не-е, с теткой Авдотьей.

– Добро. Ты, Проша, коня к дальнему переходу подготовь. Ныне побольше овса и воды дай.

– Ведаю, князь, как с конями обходиться, – задрал нос и громко шмыгнув, ответил отрок. – А далече ли собрался, князь?

Дмитрий щелкнул Прошку по сопливому носу.

– Ведаешь, что сделали любопытной Варваре?

– Ведаю!

– Вот и не задавай лишних вопросов.

– Угу.

Вышел из дома Габра.

– Позвать Авдотью стол накрыть али потрапезничал где?

– Потрапезничал. Ты послушай меня, Семен. Я завтра уеду, не будет меня долго. Смотри тут за всем.

– Само собой.

И как отрок поинтересовался:

– Далек ли путь?

– То, Семен, тебе ведать не след.

– Уразумел. От меня надобно что?

– Подготовь горницу, чтобы в ней уместилось человек четырнадцать, возможно, шестнадцать.

– Ого! – удивился ключник. – Придется все лавки туда стащить.

– Так тащи. С Прошкой и перенесете.

Ключник улыбнулся.

– Ты свою Думу, что ли, собираешь?

– Ага! Боярскую, с нашей улицы.

– Это где ж столько тут бояр-то найдешь?

– Главное – название, а кто заседать будет, неважно. Ну, ладно, пошутковали и хватит.

Ты все понял?

– Меда, квасу принести?

– Нет, ничего не надо. А вот посмотреть, не будут ли у подворья крутиться посторонние, треба. То тебе и Проше глядеть.

– Уразумел, сделаем.

– Что ты одно и то же заладил – «уразумел», «сделаю». Проще молви.

– Куда уж проще?

– Занимайся, я в сад.

Княгиня сидела на лавке в тени яблони, любовалась на цветочную клумбу. Обернулась на шаги.

– Дмитрий! Наконец-то возвратился!

На лице – отпечаток тревоги.

Дмитрий поцеловал жену. Стоявшая рядом Авдотья тихо удалилась в дом.

Ульяна спросила:

– Что молвишь, Дмитрий?

Савельев присел рядом, взял в свою крепкую ладонь маленькую ладонь жены.

– Государь, Ульяна, повелел ехать в Калугу с дружиной.

– Пошто?

– Ты не волнуйся. Комиссией. Там волнение среди торгового люда, спор с воеводой вышел. Мне треба передать повеление царя прекратить междоусобицу и решить все по-мирному. Среди русских людей вражды быть не должно, ворогов и без того хватает.

Ульяна внимательно посмотрела на мужа.

– А правду ли ты молвишь, Дмитрий?

– Пошто сомневаешься, Ульяна?

– Уладить спор государь мог послать кого угодно из свиты своей. А посылает тебя да еще с дружиной. Значит, не все так, как молвишь.

– Я сказал тебе правду. – Дмитрий отвернулся, он ненавидел ложь, не принимал ее, гнал от себя людей лживых, но сейчас эта ложь была во благо, дабы не расстроить жену в ее положении. – А дружину беру для того, чтобы вместе со стражей города провести учения. То ж запросил воевода, князь Горинский.

Ульяна вздохнула.

– Меня обмануть можно, себя не обманешь, Дмитрий. Молвил бы, что государь запретил говорить, пошто едешь в Калугу, и все.

– Иван Васильевич ничего не запрещал. Крымчане с ногайцами все чаще стали беспокоить наши южные земли, сторожа должны быть готовы отстоять крепости, деревни, села. А для того навыки нужны. Я и мои ратники имеем опыт в сражениях с татарами. Опыт тот след передать южным ратникам и всем служивым людям, ополчению.

– Пусть будет так. Надолго уезжаешь?

Савельев погладил бороду.

– Считай, Ульяна, дня четыре туда, столько же обратно, уже боле недели, в Калуге неделя, пара недель на занятия. После Петрова поста должен возвратиться.

– Долго-то как!

– Ничего, лебедушка ты моя. Время пролетит быстро. Да, и не пугайся ныне вечером, к нам ратники придут. Обсудить, как пойдем в Калугу, с чего начнем исполнять повеление государя.

– Ныне-то ничего, родной, а вот далее, как провожу тебя? Без тебя мне радости не будет.

Савельев предложил:

– Ну, хочешь, перевезу тебя в родительский дом? Князь Крылов встречался с отцом твоим, Степан Гордеевич молвил, что весьма доволен нашим союзом. Видит, как счастливы мы. Там, в родительском доме, тебе веселее будет.

Ульяна покачала головой:

– Нет, Дмитрий, жена должна быть при муже и в горе, и в радости, а коли муж уедет по делам, смотреть за хозяйством.

Князь улыбнулся:

– Это правильно, родная. Но коли совсем уж печаль заест, скажи Семену, он доедет до князя Острова, он заберет тебя.

– Я буду ждать тебя в нашем доме, – твердо сказала Ульяна и ахнула: – Ах, ой... – схватилась за живот.

Дмитрий беспокойно спросил:

– Что, Ульяна? Помощь нужна?

Но жена неожиданно улыбнулась:

– Не надо никого. Толкается дитенок наш. Так вдарил ногой, что больно стало. Но то боль приятная, хорошая. Живет ребеночек, растет.

– Ты не пугай меня так.

Но Ульяна опять:

– Ой! Да что ж ты растолкался, милый?

Князь приложил руку к животу жены и почувствовал сильные толчки.

– Да, разошелся.

– А может, разошлась?

– Может, и так.

– Это, Дмитрий, через меня и ребяенок тревожится. Батяка-то уезжает, не по душе ему.

– А разве он может что-то чувствовать?

– Все чувствует, Дмитрий. Вот гладишь живот, и дитя спокойно, а нервничаешь, начинает толкаться.

– Да, чудно.

– Что чудно, родной?

Савельев улыбнулся:

– Живут мужик и баба, спят вместе, а потом на свет дитя появляется. И как оно внутри умещается? И живет, а ведь внутри воздуха нету.

– Он через меня живет.

– Вот и говорю, чудно Господь жизнь нашу устроил.

– Погодь, Дмитрий, я не спросила, ты трапезничал?

- Да. Пообедал с князем Крыловым.
- И давно?
- В полдень где-то.
- Значит, скоро пора на молитву и к столу, к вечерней трапезе.
- Да, время летит быстро, вроде недавно проснулись, а уже вечер.
- Так сколько уж сделали-то...

Она попыталась встать, но вновь села, натянулся просторный с виду сарафан, принялась растягивать.

Дмитрий помог жене, повел ее к дому.

На летней кухне у печи вовсю шуровала кочергой и чугунками Авдотья – готовила ужин. Отдохнув и переодевшись, Савельев с Ульяной пошли в церковь. Вернулись на подворье, в горнице отужинали вареной курицей с бульоном, пирогами с рыбой. После чего Савельев попросил жену:

- Я собираю в горнице ратников, Ульяна...
- Супруга закрыла ему рот ладошкой.
- Я все поняла, буду в опочивальне. Я начала вышивать рушник, заняться есть чем.
- Вот и добре.

Проводив Ульяну, Савельев вышел во двор. В горницу поднялась Авдотья, прибралась. Семен с Прошкой начали таскать лавки из нижних комнат.

Село за горизонт солнце. И сразу посвежело. Дмитрий набросил на плечи кафтан, посмотрел на небо. Потемневшие облака рваной и причудливой формы быстро шли от Кремля над Москвой-рекой, на восток. Наверху был сильный ветер. Внизу потише. Дождем не пахло, птицы пред тем, как сесть в гнезда, летали высоко.

Из дома вышел Семен Габра, доложил, что горница для приема дружины готова. И вместе со служкой Прошкой встал в «дозор».

Ратники начали подходить, как стемнело, по уговору. Первым пришел сосед Бессонов, за ним остальные. Наконец все собрались. Расселись в горнице.

Князь сердечно поприветствовал своих боевых товарищей и перешел к заданию, полученному от государя.

У каждого ратника были свои дела по хозяйству, но служба превыше всего. Слушали молча, сосредоточенно. И только Горбун недовольно сопел, вертясь. Это заметил Савельев, спросил:

- Что с тобой, Осип?
- Богатырь пожал плечами.
- Ничего.
- А пошто тогда крутишься, как юла?

Ухмыльнулся Истома Уваров:

- Не сидится ему потому, как с бабой вдовой ныне договорился встретиться.

Засмеялся Кузьма Новик:

– А толку-то. И та сбежит галопом, прямо с постели, когда Осип вознамерится ее полюбить.

– Ну, раскудахтались, – проговорил Горбун, – как куры безмозглые. У человека горе, а они смеются. А еще товарищи.

Надежа Дрозд воскликнул:

– Так кто ж виноват в твоём горе? В том вини своих родителей, что народили тебя таким здоровым.

- Сплюнь, а то сглазишь.
- У меня глаз светлый, я не сглажу.

Савельев повесил голос:

– Все, хватит, не на базаре. По делу все понятно?
– Чего ж тут непонятного? – сказал Горбун. – Едем к Калуге, там ловим басурман, бьем их и возвращаемся домой. Я думал, что серьезнее будет.

– По-твоему, государь послал бы дружины на простое задание?

– Ну а чего в нем сложного?

– То на месте определится. Значит, так, завтра после молитвы и трапезы с утра все по одному выходят к Калужской дороге. Заезжают в рощу, что в трех верстах от Москвы слева. Там буду я, там будет князь Крылов, обоз с оружием, доспехами, провизией. Там же князь покажет нам еще двух ратников из татар служивых и возниц обоза. Все посмотрим, проверим и двинемся с Богом. На переход нам – четыре дня. Первую остановку на отдых делаем на постоялом дворе у деревни Липовка, что по тракту, в сорока верстах от Москвы. Далее уходим в леса.

Бессонов поднялся.

– Дозволь вопрос, князь?

– Конечно, Гордей!

– Тебе известны лесные дороги?

– Мне нет. Они известным тем людям, что примкнут к отряду.

– Ныне ночью еще холодно.

– Ничего, не впервой в лесу ночевать. Вначале у костров погреемся, там же и потрапезничаем, далее шалаши поставим. В лесу-то проще простого. Вопрос правильный, одежду теплую не забудьте. Днем ее в телегу положим, ночью наденем, коли холодно станет.

– Надеюсь, князь Крылов подумал, как нам укрыться от дождя?

– Он все обеспечит. Мы проверим, как молвил, чего не хватает, с Москвы доvezут. Тронемся, когда все нужное будет при нас.

Горбун спросил:

– Уходим надолго?

– Думаю, так, а там только Господь знает, на сколько.

Ратник вздохнул.

Надежа Дрозд ткнул его.

– Чего вздыхаешь, как телок?

– Отстань, Дрозд, не до тебя.

– Конечно. На Ильинке такая баба ждет, что и вдвоем не обхватить. И где только ты нашел ее?

– В торговых рядах, – ответил за Горбуна Рябой, – мы с Осипом там были, обувку глядели, а тут среди рыбы разной эта Клава. Ручища, как у Горбуна. Вдарит – прибьет. Ну Осип и поплыл, как ладья по реке. Рот разинул, глядит на бабу, та на него. Я отошел. Они погутарили, Осип подошел довольный, будто бочонок меду сожрал, – вот она, моя баба. Ныне ночью к ней пойду.

Савельев улыбнулся, глядя на Горбуна.

– Так бабу Клавдией зовут?

– Да, а чего?

– Нет, ничего. Желая, чтобы у вас все получилось. И заживешь тогда, Осип, как все, семейно.

– Я бы тоже желал.

Он вытер рот.

– Но поглядим. Ночью все ясно станет, лишишься ты, князь, единственного холостого ратника или нет.

– Удачи тебе, Осип, тока о деле не забудь, коли все получится.

– Не-е, не забуду.

– Еще у кого вопросы есть?

Вопросов у ратников не было.

Савельев велел Новикун спуститься во двор, узнать у прислуги, спокойно ли у подворья.

Кузьма ушел и скоро вернулся.

– Все покойно, князь.

– Ну тогда, други, расходимся и встречаемся завтра в роще у дороги.

– Да, князь, – чуть не хором ответили ратники особой дружины и в том же порядке, что пришли, начали уходить. Вскоре горница опустела.

Пришел Габра.

– Разошлись ратники, посторонних не заметил.

– Добро, Семен, отдыхай.

– Я все приготовил.

– Хорошо.

Ключник ушел.

Князь прошел в опочивальню. Ульяна сидела за вышиванием. Отложила рамку с натянутой материей в сторону.

– Что мне собрать тебе?

– Я сам собираю.

– То должна сделать жена.

– Ну тогда смену белья, пару рубах, штаны, шапку, теплую одежду, но не зимнюю.

– Надо Авдотье сказать, чтобы приготовила еды на пару дней.

– Того не надо, родная. Провизия будет в обозе, да и найдем мы чем трапезничать. Не в поле же чистое едем, хотя и там пропитание найти можно, а в крупную крепость. Воевода и накормит, и напоит.

– Я так хочу тебя, Дмитрий. Не ведаю, что со мной, но желание нестерпимое.

– А можно?

– Осторожно можно.

– Получится ли осторожно?

– Ну не говори ничего. Я обмоюсь, потом ты.

– Что ж, я тоже очень соскучился по тебе.

Этой ночью они любили друг друга крепко, и живот Ульяне не мешал. Счастливые, обнявшись, уснули. Ночь была звездной, тихой, теплой, даже шум с реки не доносился.

Встали, как всегда, рано.

Молились в горнице пред образами красного угла.

После трапезы Габра приторочил к седлу сумы с одежей и провизией, приготовленной Авдотьей.

Ульяна вышла провожать мужа.

Обняла его, не отпускала долго. Заплакала.

Дмитрий погладил ее по голове:

– Не надо, любовь моя, я вернусь. Время пролетит быстро. Дитя береги, себя береги, в ненастные дни гулять не ходи или одевайся теплее. Задумаешь уехать к родителям, скажи Семену. Ну все, родная, пора мне.

– Помни, Дмитрий, я люблю тебя и жду.

– И я люблю тебя. И вернусь обязательно.

– Ну с Богом!

Она разжала объятия. Савельев вскочил на коня.

Слуга открыл ворота.

Князь выехал. Вслед ему крестились и Ульяна, и прислуга.

Он, не оборачиваясь, повел коня в сторону Калужской дороги. В рошу въехал, когда уже вовсю светило ласковое весеннее солнце.

У оврага уже стояли две лошади, впряженные в телеги, покрытые грубой непромокаемой материей – пологами. Рядом конь князя Крылова, возле него сам вельможа. Чуть в стороне – два татарина и крепкие русские мужики лет по тридцать.

Савельев соскочил с коня.

Глава вторая

– Доброго утра, Юрий Петрович.

– Доброго, Дмитрий Владимирович.

Савельев кивнул на людей, стоявших в стороне.

– Ну, служивые татары понятно, а мужики?

– Возницы.

Он махнул им рукой.

Все четверо подошли.

Князь Крылов представил татар.

– Икрам Гардай и Рустам Туран, преданные государству русскому люди. Из Касимова. А это, – он указал на мужиков, – Алексей Глухов и Борис Суля. Мои люди, надежные. В случае чего могут и в бою показаться.

– Добре.

Савельев поприветствовал пополнение своей дружины.

– Посмотришь обоз? – спросил Крылов. – Покуда твои ратники не подъехали?

– Да.

Крылов кивнул Глухову.

– Лешка, сверни пологи, воевода телеги смотреть будет.

– Слушаюсь, князь.

Старший возница, более похожий на воина царской рати, отвернул полог первой телеги.

Там мешки, сумы.

Крылов объяснил:

– Здесь провиант, крупы, мясо вяленое, солонина, копченая рыба, хлеб – то, чем можно трапезничать в безлюдных местах. Тут, – он протянул Савельеву кошелек, – десять рублей, это на закупку у крестьян кур и иного продовольствия. Места свободного много, это для отдыха ратников, пять человек поместятся свободно.

– Поместится и больше, – сказал Савельев.

– Можно и десяток усадить, да лошадь-то одна. Хоть и тяжеловоз, но долго не протащит такой груз, оно и телега не выдержит.

Савельев согласился:

– Это так!

Он прошел ко второй телеге, где орудовал Борис Суля.

В ней оружие, к тому, что было у каждого ратника при себе, доспехи, кольчуги, шлемы с бармицей – кольчужкой, крепящейся к шлему и защищавшей шею и часть лица. Из оружия – колчаны со стрелами, луки, копья, бердыши, пищали, топорки, булавы. Всего понемногу. В этой телеге места для пеших всадников не было.

– Добро, – сказал Савельев, осмотрев содержимое обоза.

– Из пологов можно навесы сделать, укрыться от дождя.

– А провизия пусть промокает?

– В каждой телеге по два полога.

– Да? Не заметил.

– Потому, как возницы свернули их воедино.

Послышался топот копыт.

Явился Гордей Бессонов.

И потом за ним ратники дружины, как по расчету, почти через равное время.

Савельев спросил у Бессонова:

– Вы сговорились, что ли?

– Ты это о чем, воевода? – недоуменно посмотрел на князя Бессонов.

– Да так. Слишком уж порядок блюдетесь на подъезде.

– Разве это худо?

– Это хорошо.

Он познакомил ратников с возницами и татарами.

Особенно радушно последних приняли уже служившие в дружине Анвар Баймак и Ильдус Агиш.

Строить дружину Савельев не стал. Крылов и без того мог оценить готовность каждого к походу.

Дмитрий взглянул на князя.

– Ну что, Юрий Петрович, тронулись мы?

– Хранит вас Господь. Будет надобность, пошлешь гонцом любого из татар.

– Надеюсь, обойдемся без этого. С Богом.

Он пожал Крылову руку искомандовал:

– Дружина, блюдя видимость торгового обоза с охраной, выходим на тракт и идем до деревни Липовка, это около сорока верст. У деревни – постоянный двор, на нем заночуем, отдохнем, подкрепимся. Анвар, Агиш, Икрам, Рустам и Новик в переднюю телегу, коней привязать к задней, остальным на конях. Лукьян Балаш немного вперед, Боян Рябой назад. Пошли!

Служивые татары и ратник Новик сели в переднюю телегу. Балаш выехал на дорогу, осмотрелся, свистнул – вышел весь обоз и пошел на юго-запад, сзади саженьях в десяти Боян Рябой.

Со стороны дружина внешне походила на торговый обоз, везущий дорогой товар под сильной охраной под началом богатого купца, на которого был похож князь Савельев.

Какое-то время шли по дороге в одиночестве, затем стали попадаться встречные обозы, торговцы, везущие товар на Москву. То и дело дружину обгоняли вездесущие гонцы. Все обычно для тракта.

Опытные ратники, когда обоз преодолевал лесную местность, внимательно осматривали подходы к тракту. Ничего подозрительного не заметили. Дважды останавливались по нужде. К закату солнца добрались до деревни. Остановились, пропуская стадо коров, что гнали пастухи на водопой.

Савельев окликнул пастуха:

– Эй, человек, подожди!

– Чего надобно? – недоверчиво спросил тот.

– У вас тут должен быть постоянный двор, не подскажешь, где?

– А где ему быть? За селом. Проезжай, увидишь, справа от дороги.

– Там обычно народу много?

– Не-е. Купцы и простой люд, которому дома не сидится, коли от Москвы едут, проходят далее до Дыбина двора, это еще верст десять. Вот там народу много, а тут если и есть кто, то мало.

– А пошто так, пастух?

– По то, что Петро Шатров совесть вконец потерял. Провизию за копейку закупает, продает за алтын, а то и дороже. А еще супружница его, не дай Бог ночью встретить.

– Ты удивляешь меня.

– Коли заедешь на наш постоянный двор, сам увидишь. Страшная Антонина, век бы ее не видеть.

– Чего ж Петро на ней женился?

– Э-э, в девках она ничего была, а потом дом их загорелся. Огонь изуродовал бабу. И стала страшна как смерть.

– У женщины такое горе, а ты «страшна». Разве по своей воле?

– Да мне что, уродина али красавица. Мне до постоялого двора дела нет, своих забот хватает. Заговорился я с тобой, путник, пойду догонять стадо.

Савельев бросил ему монету.

– Держи, пастух.

– Вот за это спасибо, с деньгой у нас туго.

Запрятав монету, мужик поспешил за стадом.

Дорога освободилась, Савельев дал команду:

– Проезжаем село, за ним постоялый двор. Там встаем. Говорил с пастухом, тот молвил, жена хозяина пожаром изуродована, на то внимание не обращать, не забижать бабу. Вперед!

Обоз прошел до постоялого двора. Всадники и телеги въехали на открытый, но пустой двор, огороженный невысокой городьбой. Посреди продолговатое бревенчатое здание с мелкими окнами, завешенными занавесками, труба печи, торчащая из крыши, покрытой соломой, поверх – березовой берестой. Из печи вился едва заметный дым.

Заслышав шум во дворе, на крыльце показался мужик в красной рубахе, подпоясанный широким поясом, в штанах и сапогах, с большой, побитой сединой бородой. На круглом лице бегающие, близко посаженные хитрые глаза.

Савельев подумал:

– Прав пастух, такой за копейку удавится.

Но улыбнулся:

– Вечер добрый, хозяин!

– Добрый. На постой решили встать али как?

– Тебя зовут-то как?

– Петро. Петро Иванович Шатров... хозяин двора.

– Вот как, хозяин? Ну а я московский купец. Можешь звать Дмитрием.

– А охрана у тебя, как у вельможи.

– Так это люди, бывшие на Москве, теперь обратно на Калугу возвращаются. Вместе и пошли.

– Ты, купец, не ответил, на постой али потрапезничать?

– На ночь встанем, места-то для всех хватит?

– Места хватит, – Шатров заметно повеселел, – и коней есть куда поставить и присмотреть за ними, да за и товаром тако же. Воду согреем, за домом помыться можно, в реке еще холодно. И выспаться места хватит, для тебя же, купец, есть комната чистая светлая, ну а харч любой, тока подождать придется, пока жена сготовит. Вы тут распрягайтесь, я жену озабочу.

– Коней куда поставить?

– То не ваша забота.

Хозяин постоялого двора крикнул в сторону подсобной постройки:

– Санька, Илья! Где вы, бездельники?

– Тута!

Из постройки вышли два парня, с виду лет по семнадцать.

– Займитесь конями. Ячменя насыпьте, воды налейте, да не из колодца, из ручья принесите и дайте прогреться.

– Угу, Петро Иваныч, – кивнул Санька, – сделаем!

– Так делайте, работнички, я вас даром кормить не буду.

– То ведомо.

Шатров услужливо предложил Савельеву:

– Покуда твои люди разберутся во дворе, пройдем в дом. Обговорим, чего готовить, цену за провизию и постой. У меня вино хорошее есть, литвинами привезенное, да за постой им рассчитанное. А коли треба баба, то есть на селе одна гулящая. На окраине живет. Тока кликни, прибежит. И ликом красива, и телом статна, одна беда – гулящая. Муж ейный потонул два года

назад, а детишек не было. Так ее боярин, что владел селом, поначалу к себе на Москву забрал. А потом вернул. Уж как и что, не ведаю, но стала она гулять вовсю. А мужикам что, мужикам тока давай. Но с тех чего возьмешь. Купец же заплатит. Позвать бабу-то?

– Нет, – ответил Савельев, – не надо. А ты, видать, сам не прочь?

Хозяин усмехнулся:

– А что не помять-то? Мне тоже баба нужна.

– Так ты же женат?

Шатров вздохнул:

– Женат-то женат, да тока увидишь мою жену, поймешь, что спать с ней не можно, даже упившись хмельного вина.

– Хворая? – Дмитрий не стал подавать вида, что знает об уродливости жены Шатрова.

– Хуже. Уродина.

– Уродина? – изобразил удивление князь. – Чего ж тогда женился?

– Э-э, купец, то долгая история. Одно скажу, не от хвори заразной, от пожара уродство.

Может, и поведаю, коли будет время. Так пойдем?

– Пойдем!

Они зашли в горницу. Та оказалась большой, просторной. Посреди стол, вдоль него лавки, лавки же и у стен, по дальней стене деревянная стойка, за ней полки, на которых посада.

Хозяин двора присел на лавку. Савельев устроился напротив.

Пошел торг. Князь убедился, что пастух был прав, Шатров завышал цены безбожно. В другой раз Дмитрий проехал бы мимо, но сейчас ему нужен был пустой постоялый двор. Чем меньше глаз, тем лучше. Договорившись о цене, приступили к заказу блюд вечерней трапезы. И тут Шатров опять поднял цены. Но Савельев не стал торговаться, уступил.

Шатров крикнул в сторону поварской:

– Антонина, Михайло! – Объяснил князю: – Это жена и сын. Михайло помогает матери.

Вошла женщина, от вида которой Дмитрий вздрогнул. Хоть и прятала она под платок и длинные рукава свое уродство, но все же совсем скрыть не могла. И это вызывало отвращение. Дмитрий взял себя в руки. Сделал вид, что ничего не замечает.

Шатров же передал жене исписанный листок, наказал:

– Сготовить быстро. Путники устали. Михайло, во всем помогай матери. Пошли!

Когда они удалились, хозяин спросил:

– Ну что, купец, теперь уразумел, отчего не можно спать с моей бабой?

– Да, изуродовал ее огонь знатно. Но хоть жива осталась.

– Лучше померла бы, – в сердцах бросил Шатров, – у меня была баба из города на примете. И здоровая, и работающая, и ликом, а тако ж и телом привлекательна. Да выжила Антонина. Хотел бросить, отец ее предупредил – убьет, мол, тогда. А он у Антонины еще тот разбойник и бугай. Прибьет, как муху. Вот и маюсь с ней. Добро, хоть жрать готовит отменно. В этом деле она мастерица.

Савельев спросил:

– А сына чего при себе держишь? Ему сколько?

– Семнадцать годков было.

– В город бы послал, там ремеслу обучился бы, семью завел и жил бы как люди.

– А тут кто работать будет?

– У тебя же два работника.

– Угу, тока название что работнички, все из-под палки делают, а жрут за четверых.

– Ты им платишь?

– А как иначе?

– И не хотят работать?

– Ленивые, сил нет.

– Других найди.

– Э-э, купец, ты человек торговый, цену копейки знаешь. Хорошим работникам и платить достойно надо. А где взять деньги, коли самому едва хватает.

Князь понял, что жадность губит торгаша. Но это его дело.

Зашли ратники, расселись по лавкам. Шатров ушел в поварскую, прикрыв за собой дверь.

Савельев сказал:

– Тут переночуем. Места хватит, тепло. Но за конями след смотреть. Хозяина жадность давит. Такой может и на товар, и на коней посягнуть. Не сам, конечно. Через кого-нибудь. Может, я ошибаюсь, но смотреть за добром нашим надобно. Да и за подходами ко двору. Местность для нас неизвестная, а лихих людей повсюду хватает.

– Это кто же решится напасть на двор, где полтора десятка ратников? – воскликнул Горбун.

– Я же молвил, – ответил Савельев, – может, и ничего не будет, но смотреть надобно везде. А коли ты голос первым подал, тебе полночи и быть в охране.

– Чего, одному?

– А тебе напарник нужен?

Горбун расправил широкие плечи.

– Нет, князь, мне никто не нужен, коли что, пяток разбойников я и сам прибью, а на остальных позову вон ребят..

– Вот и договорились. Стоишь на посту до полуночи. Потом тебя сменят... – князь посмотрел на ратников, – Бажен Кулик и Лавр Нестеров. До утра. Как продолжим поход, выспитесь в телеге.

– Слушаюсь, князь, – в один голос ответили Кулик и Нестеров.

Лавр добавил:

– Надо только, чтобы Осип разбудил.

Горбун сказал:

– Разбужу, не беспокойся, тока ложитесь у входа, а то я весь отряд перебуду.

– Ладно, возле входа так возле входа.

Жена хозяина двора больше не выходила. Снедь подавал сам Шатров с сыном.

Отужинав, начали располагаться. Стол сдвинули к одной стене, лавки к другой, Михайло принес сена, побросал охапки на дощатый пол. Ратники улеглись.

Савельева Шатров провел мимо поварни в закуток, где было две двери. Одна в гостиную комнату, другая в комнату, где спали отец с сыном. Где ночевала несчастная Антонина, Дмитрий так и не понял.

В комнатенке, где хватило места только для широкой лавки у печной стены да лавки у оконца-бойницы, князь рассчитался с хозяином двора за трапезу. Дал часть денег, оговоренных платой за постой. Сын принес перину, простыни, подушку и легкое одеяло. Все было чистое, не пользованное. Савельев помолился на сон грядущий, в комнате висела икона, разделся и лег в постель. Сразу же вспомнил Ульяну. Как она сейчас на Москве? Спит ли, или его вспоминает? А может, все-таки решила к родичам податься? Под мысли о любимой супруге князь Дмитрий Владимирович Савельев и уснул.

Осип Горбун вышел во двор. На бревне у городьбы сидели работники. Подошел к ним.

– Не спится, бедолаги?

– Чегой-то бедолаги? – подал голос старший, Санька.

– А то, что вид у вас, как у лосей пуганых.

– Ты говори, мужик, да не заговаривайся.

– Ладно, – сдался добродушный по своей натуре, как и все сильные, уверенные в себе люди, Горбун, – не будем собачиться. Как жизнь-то?

– Не жалуемся. Ты чего вышел?

– Охранять добро купеческое.

Работники переглянулись.

Санька спросил:

– Так купец свою охрану выставил?

– А я тебе о чем молвил?

– Ну, тогда неси службу.

Санька кивнул мужику.

– Пойдем, Илюша, нам тут делать нечего, коли у купца своя охрана.

– Эй, погодь, – окликнул работников Горбун.

– Чего?

– Так вас хозяин двора отрядил смотреть за конями и добром?

– Не-е. Мы просто так сидели. Утомились за день.

– Бреешь, поди?

– Ты у Петра Ивановича спроси.

– Нужен мне ваш Петр Иванович. Идите, без вас чище будет.

– Вот и мы о том же.

Работники зашли в постройку рядом с основным зданием.

На их место, поставив между ног саблю в ножнах, сел Осип Горбун.

Достал из кармана платок, понюхал, пахнет Клавдией. Довольно улыбнулся. Прошедшая ночь изменила его жизнь. Он шел к Клаве с мыслью, что и она отвергнет его. Посему сразу же по приходу и приступил к делу. Баба была не против, и Осип едва не завизжал от радости, когда оказалось, что Клава подходит ему. Наконец он нашел, что искал. И Клавдия осталась довольна, она тоже допреж мучилась с мужиками. Горбун испытал ранее неведомое. Они любили друг друга до самого рассвета. Горбуну пришлось бежать к себе домой, брать коня, дабы вовремя успеть к месту сбора. Успел. А вот лишнего сболтнул напрасно. И так хотелось спать, а тут князь еще на охрану поставил. Но все это такая мелочь по сравнению с тем, что получил Осип...

Он зевнул, после еды потянуло в сон. Но Горбун, как и все его друзья, воин опытный, знал, как обойти соблазн. Он поднялся, увидел бочку у городьбы. Там должна быть вода, иначе зачем бочка?

Направился туда. И тут случилось то, чего Горбун никак не ожидал. Скрипнули ворота, очень странно, они должны были быть закрытыми. Горбун сам слышал, как о том говорил князь и хозяин двора. В темноте появились два силуэта. Через городьбу перепрыгнул третий, плюхнулся рядом с отхожим местом и еще двое так же через городьбу у конюшни.

Горбун упал рядом с бревном, покуда не поднимая тревоги.

Незванные «гости» собрались за конюшней.

«Что за ночные птицы прилетели? – подумал Горбун. – Явно с черными намерениями. И ведь знали, что на постоялом дворе обоз с охраной. Кто-то предупредил. И вряд ли работники. Хотя почему нет, эти могли, как и хозяин, и сын его. Но что надо разбойникам? С добрыми намерениями да через городьбу на двор не наведываются».

Все стало понятно Горбуну уже чрез малое время.

Двое встали у конюшни, один подобрался к хоромам, замер у той самой бочки. Первые открыли ворота конюшни.

– Ба! – подумал Горбун. – Да это же конокрады! За нашими конями пришли.

На службу он взял кроме сабли еще и свой излюбленный шестопер, надел кольчужку супротив ножа. Мелькнула мысль – поднять тревогу. Наши сбегутся быстро, но конокрады успеют улизнуть, а того Горбун допустить не мог. Он, богатырь, валивший одним кулаком троих-четверых татар за раз, и упустит шайку?

Осип закрепил шнур шестопера на руке, метнулся к тому, что стоял у бочки. Разбойник и пикнуть не успел, как получил удар по голове.

Пока он падал, Горбун метнулся к левому углу конюшни. Разбойники, что встали у постройки, заметили движение, но среагировали поздно. Подошли друг к другу, что было на руку ратнику. Пока они решали, что делать, Горбун налетел на них. Взмах шестопера, и один с пробитым боком охнул, валясь на землю. Второй выхватил саблю, замахнулся на Горбуна. Владели холодным оружием разбойники так себе. Осип увернулся и врезал разбойнику шестопером в хребет. Тот, охнув, ткнулся в землю и потерял сознание.

Осип отворил ворота конюшни. Встал посреди входа.

– Эй, «гости» дорогие, не поздновато ли пришли? И пошто в конюшню? Шли бы в дом.

В ответ – тишина, только шевеление да конское фырканье. Горбун, бывший во многих сражениях, заслышав шум, рухнул на грязный пол. И вовремя. Над головой просвистела сабля. Из ближнего стойла выскочил мужик. Но под ногами Горбун. Об него и споткнулся разбойник. Упал рядом. Осип, не раздумывая, врезал ему кулаком по широкой морде, сразу же превратив ее в кровавое месиво. В пролет между стойлами выскочил другой разбойник. В руках вилы. Тараном пошел к выходу, закричал:

– С дороги, убью!

Когда он пробежал половину пути к выходу, Горбун вскочил на ноги, подняв грозный шестопер. Разбойник выбросил вперед вилы, намереваясь приткнуть охранника к бревну.

Но шестопер оказался быстрее.

Взмах, и древко вил переломилось пополам. Обломок вонзился в ограду стойла, древко осталось в руке незадачливого конокрада. Но отступить ему некуда, рванулся вперед. И совершил ошибку. Впрочем, любое его движение стало бы ошибкой.

Горбун нанес сокрушительный удар рукой в челюсть, от которого конокрад не только остановился, но отлетел назад, глухо плюхнувшись в навозную кучу.

Горбун вытер пот. Кони ржали, метались, кровь почуяли. Из дома бежали ратники. Кто к городье, кто к воротам.

Савельев, увидев двух валяющихся на земле мужиков, заметил открытые ворота конюшни. Кинулся туда и едва не столкнулся с выходящим Горбуном.

– Полегче, князь, так и убиться можно.

– Вот чертила, чего тут было?

– Да ничего особенного. Конокрады, пять рыл, хотели наших коней увести. И что интересно, Дмитрий Владимирович, они не тока знали, что мы встали здесь на постой, но кто-то оставил для них открытыми ворота. Заходи, забирай коней и сваливай по-быстрому. Но тока неувязка у них вышла, на меня налетели.

Горбун горделиво повел головой.

Князь проговорил:

– Да, для здравия это вельми вредно. Конокрады живы хоть?

– А кто их знает? Двое али трое должны выжить, но надо глядеть.

– Новик, – позвал ратника князь.

– Да, Дмитрий Владимирович?

– Глянь на того, что валяется у бочки.

– Угу.

– Уваров!

– Слушаю, князь.

– Ты посмотри на двоих, что у конюшни.

– Да, князь.

Сам же Савельев с Горбуном зашли внутрь.

Туда же прибежали и хозяин постоялого двора, его сын и работники.

– Чегой-то тут? – испуганно спросил Шатров.

– Погодь, стой на входе, вместе со своими людьми.

Местные подчинились.

Савельев подошел к первому разбойнику, тот хватал воздух окровавленным ртом. Зубы выбиты, челюсть сломана – понятно с первого взгляда.

Князь взглянул на Горбуна.

– Чего уж ты так-то, Осип?

– Так он саблей махал. Мне чего, ждать, что ли, покуда посечет? Ну и вдарил, и то вполсилы. Иначе голову проломил бы.

– Кто ты? – нагнувшись к раненому, спросил Савельев.

Разбойник что-то промышчал.

Утвердительно покачав головой, князь прошел ко второму. У того физиономия оплыла так, что и глаз не видать.

– Кто? – спросил князь.

Конокрад приподнял руку, указал на Горбуна.

– Да не кто тебя вдарил, спрашиваю, а ты кто?

– Э... я... – изо рта пошла кровь.

От двери донеслось:

– Купец, пройтись можно, я многих в округе знаю, может, и признаю кого.

– Пройди, глянь.

Шатров узнал первого с разбитой челюстью.

– Ба! Да это Митяй Грач.

Воевода и Горбун подошли к нему.

– Что за Грач?

– Известный разбойник. Но народ не грабит, а все боле по коням промышляет. Встанет обоз на постой где-нибудь у ближнего лесу, Грач тут как тут. И нет в обозе коней. А вот кому он их сплавлял, неведомо.

– Может, из села?

– Не-е. Откель он, неведомо, но разбойничает в наших краях.

– Глянь на второго.

Шатров посмотрел.

– Этого не знаю, не видел.

– А тех, что на улице?

– Не глядел.

– Так погляди и будь во дворе с сыном и разбойниками. Есть о чем погугарить.

– Ага, купец, только пошто твои люди тебя князем величают?

– По то, что так я велел.

– А? А я уж подумал, и на самом деле князь.

– Ступай, да быстро.

Когда Дмитрий вышел из конюшни, Шатров разглядывал лежащих на земле разбойников. Потом отошел испуганно в сторону.

– Ты чего, Петро?

– Мертвые они.

– Мертвые?

Савельев посмотрел сам. Действительно, удары шестопером не оставили налетчикам шансов выжить.

Князь повернулся к Горбуну, тот потянулся, тут от бочки крик – мертвяк.

Дмитрий спросил Горбуна:

– И чего ты наделал? Трех прибил!

– А не будут воровать. И оружие при них было.

– Нет, в охрану тебя ставить нельзя.

Бледный от испуга Шатров спросил:

– А что, купец, тапереча мне делать?

– Чего, спрашиваешь? Придется отвечать на мои вопросы.

– До них ли?

– До них. А ну-ка, объясни мне, пошто ворота и во двор, и в конюшню были открыты?

Пошто твои работники не охраняли двор?

Санька и Илья что-то начали лепетать, вроде как человек из свиты купца на охрану вышел, но князь перебил их:

– Молчите. До вас еще дойдет черед.

Он перевел взгляд на хозяина двора.

– Ну? Ответствуй, Петр Иванович.

Тот повернулся к работникам.

– Санька, пошто ворота не запер?

– Да я думал, Илюха запрет.

– Илюха?

– А я думал, Санька как старшой сделает.

Шатров развел руки.

– Вот как, купец, получилось.

– Ну с въездными воротами ладно, работники у тебя действительно еще те, могли понадеяться друг на друга, а конюшня пошто была открыта?

– Михайло? – повернулся к сыну Шатров.

– Да я вроде, батюшка, закрывал.

– Вроде?

Савельев взглянул на парня.

– Так закрывал или нет?

– Не помню, должен был закрыть.

– Тьфу, – сплюнул на землю Горбун, – кутерьму развели, не постоянный двор, а не пойми что.

Савельев приблизился к Шатовым.

– А не нарочно ли ты, Петр Иванович, велел ворота открытыми оставить? Уж не заодно ли ты с конокрадами?

– Да Господь с тобой, купец, я не разбойник.

– Ну ничего, двое живы, они все расскажут. Сейчас покойников к бане, подраненых в дом. Дрозд, приглядишь за ними.

– Слушаюсь, Дмитрий Владимирович.

– Бажен и Рябой – на охрану. Ты, хозяин, вели работникам кровь в конюшне убрать, дабы кони успокоились. Запереть все и спать.

– А... мертвяки? О них доложиться надобно.

– Вот поутру и доложишься. Старосте села, тот пристава из волости позовет. И жди, чтобы до его приезда не померли те, что живы. Я узнаю. Делать дело и спать.

Скоро на дворе все утихомирилось.

Савельев и дружина уснули, Шатров же маялся бессонницей. И как купец догадался, что он заодно с Грачом? Прибить бы их с Баталом, вторым выжившим, но купец предупредил. А может, и не купец он вовсе? В телегах немного оружия, пороху, дробы, провизии. И столь охраны. Может, действительно князь? Воевода малой дружины? Тогда трогать раненых нельзя. Они не сдадут его, потому как тока себе хуже сделают. А он, Шатров, откажется от всего. И доказать его соучастие в разбойном промысле не можно будет. Отвертится. Надобно денег

приставу сунуть, рублей пять, глядишь, и примет, а если еще и старосте рубль дать, то обойдется. Шатров успокоился, но заснуть до утра так и не смог.

Дружина встала рано, о том Савельев предупредил хозяина.

Антонина уже готовила утреннюю трапезу.

Шатров вознамерился тут же с подъему послать на село сына за старостой, но Савельев запретил.

– Как уедем, пошлешь. До того никому со двора ни ногой.

Пришлось подчиниться.

Покуда Антонина с Михайлом стол накрывали, ратники помолились, вывели коней, оседлали.

И после трапезы выехали со двора. В низине, где они не были видны ни со двора, ни из села, свернули в лес.

Вперед вышли служивые татары Гардай и Туран. Они знали местные лесные тропы лучше любого охотника.

Отряд продолжил путь, но уже прикрытый лесами.

Что произошло на постоялом дворе, никого больше не волновало. В гибели подельников, в увечье виноват сам Митяй Грач, вот пусть он и отвечает.

Дальше останавливались в лесах, урочищах, рощах.

На весь путь ушло менее четырех дней. К Калуге подъехали поздно вечером, когда уже крепостные ворота были закрыты. Встали в березняке, в двух верстах от города.

Приготовили на слабом костре каши. Трапезничали с солониной, пили квас, взятый с собой Гордеем Бессоновым. В ночь пошел дождь, укрылись под пологами, кто-то залез под телеги. Весенний дождь короткий, прошел быстро. До утра выпались.

После чего дружина вышла к въездным воротам городской крепостной стены. Прошла по дубовому мосту, и уже за башней ее окружили крепостные ратники. Многие были вооружены пищалями.

Савельев соскочил с коня.

К нему подошел один из ратников, назвался:

– Сотник Поликарп Лунский. А кто ты, воевода?

– Князь Дмитрий Владимирович Савельев, прибыл с дружиной по поручению Государя Всея Руси Ивана Васильевича.

Сотник спросил:

– Царская грамота при себе?

– Да.

– Покажи, князь.

– А ты читать-то умеешь?

– Пошто обижаешь? Али тока у вас на Москве грамотные обретаются?

– Извини, сотник.

Савельев передал ему свиток.

Посмотрев грамоту князя Крылова, сотник махнул своим.

– Пропустите, это та дружина, которую ждет воевода.

Ратники разошлись, кто к крепостной стене, кто в ближайšie дома.

– Езжай за мной, князь.

– С дружиной?

– До кремля да, далее один.

– А мои люди что, стоять у кремля будут?

– Их определяют на гостиный двор, повелением воеводы освобожденный для ратников особой дружины государя. Там и палаты для отдыха, и мыльня, и поварская со столовым залом. Все, что надобно для проживания. Я ведаю, что ратники дружины могут постоять за себя, но

им след отдыхать, а посему охранять обоз будет стражник моей сторожевой сотни. Тебе же, князь, велено пройти к воеводе, князю Ивану Васильевичу Горинскому.

– Так уж и велено? – усмехнулся Дмитрий.

Сотник поправился:

– Извиняй, князь, Иван Васильевич просил, чтобы ты пришел к нему.

– То совсем другое дело.

Он обернулся.

– Дружина, за мной!

Ратники направились к местному кремлю, где находился дворец наместника и воеводы Калужской крепости.

Воевода встретил гостя в большой зале. Для невеликих размеров местного дворца и эта зала казалась большой.

– Доброго здравия, Дмитрий Владимирович. – Широко расставив руки, пошел навстречу Савельеву воевода. – Извиняй, что не вышел на улицу, духовенство принимал.

– Доброго и тебе здравия, князь, а то, что не встретил на улице, не важно.

– Проходи, гость дорогой, присаживайся.

В зале были два кресла, стол и лавки по стенам. Оконца завешены цветными занавесками, полы начищены, в красном углу киот.

Дмитрий Владимирович перекрестился на образа, присел на стул, пододвинув его к столу.

Сотник спросил:

– Я могу идти, князь?

– Да, иди, Поликарп, и позаботься, чтобы ратники дружины царской особой ни в чем не нуждались. За конями и отрядом присмотри, охрану выстави.

– То уже делается, князь.

– Ну тогда ступай. Будешь нужен, кликну.

Сотник с поклоном вышел из залы.

Воевода присел в кресло напротив Савельева. Их разделял стол, на котором лежали карты земель Калужских и части Дикого поля.

– Ну как Москва, Дмитрий Владимирович? – спросил воевода.

– А что Москва? Стоит, строится, все более и краше становится.

– Да, все ж столица, не то что наша крепость.

– Ваша крепость, князь, имеет важное значение для обороны Руси от набегов татар крымских.

– Так-то оно так, и все же Москва есть Москва. А как царь-батюшка поживает? Отошел от болезни? Мы тут вельми переживали за него, узнав, что огненная болезнь сразила его, а князья и бояре московские отказывались присягу сыну его давать, проча на престол Владимира Старицкого. Молились за здоровье государя.

– Поправился он вполне. Делами занят.

– Ему поменьше делами-то. Великие перемены в государстве стали ощущаться, треба до конца дело святое по укреплению Руси довести. А без Ивана Васильевича то не сделать никому.

– Все доведет до конца царь наш Белый и Грозный.

– Ну и дай ему Бог здравия.

Савельев устроился поудобнее в кресле.

Воевода спросил:

– Ты трапезничал утром?

– Немного.

– Значит, отобедаешь со мной?

– Коли приглашаешь, с радостью.

– Ну что за слова, князь, ты мой гость, а гостя следует ублажать, чем возможно. Коли гость тот добрый. А ты от самого Ивана Васильевича!

Горинский крикнул в сторону двери:

– Никола!

Тут же объявился отрок лет четырнадцати.

– Да, князь?

– Передай мой приказ в поварню, обеденную трапезу приготовить отдельно для меня и моего гостя. И не забыть ратников прибывшей дружины. Блюда подать сюда.

– Извиняй, князь, когда подать?

– После полуденной молитвы.

– Слушаюсь.

Служка убежал.

Савельев сказал:

– Перейдем к делу, Иван Васильевич? Тебе ведомо, для чего в твои земли прислана особая дружина?

– Был гонец от царя. Ведаю. Татары крымские да ногайцы беспокоят и грабят наши земли, мы должны будем, где возможно, дать им отпор.

– И не только отпор, князь, но и рубить тех, на ком кровь людей наших, да в неволе люд простой.

– Это так!

– Государь говорил, ты должен оказать мне помощь.

– В его послании о том сказано. Но ты должен понять, большой помощи оказать не могу.

От силы отряд ратников в двадцать конных.

– И то дело. Что у тебя со сторожами?

– Есть, но не везде. Выезжают разъезды в Дикое поле. Смотрят, где можно. А татары наглеют. Хан Девлет Гирей и его господин османский султан Сулейман не могут смириться с потерей Казани. Кроме того, Константинополю нужны рабы. Они усиливают свой флот, им требуются гребцы на галеры. Оно и понятно, рабский труд выгоден всегда. Оттого Девлет Гирей направил из Бахчисарая к Перекопу несколько сотен своих... не ведаю, как и назвать их, воинами язык не поворачивается. Головорезов, так правильней. В Перекопе к ним присоединились сотни ногайцев. Их точное число неизвестно. Вроде и небольшая сила, но идет она не воевать с русской ратью, она идет грабить, убивать, захватывать невольников, сжигать наши деревни и села.

– То не вновь, скажи, воевода, что ты ведаешь об отрядах Девлет Гирея?

– Только то, что ведет их ногайский мурза Даян Галимбек. В одном месте татары разбойничать не будут, разойдутся по степи и пойдут к разным городам. Мы тако же ожидаем, что они появятся и у нас.

Савельев спросил:

– Какие поселения меньше всего защищены?

– Да почти все такие. Но в первую голову под удар татар могут попасть село Сивово и деревни Дугинка да Колшино. Так мыслю я, так мыслят мои сотники. Мы проводили совет и на том порешили.

– Где эти поселения?

– Взгляни на карту, воевода. Это, конечно, не та карта, что есть в больших полках, но и не схема, начертанная от руки, разобрать что к чему можно.

Савельев склонился над картой.

– Не сказать, что далеко от крепости.

– Недалеко, – согласился воевода. – Но южнее у нас поселений нет. А земли там хорошие, плодородные. Вот где урожаи можно собирать большие, но людей туда не заманишь из-за басурман проклятых.

– Да, эти земли только силой взять можно. А сил государству пока не хватает. Но ничего, это временно, раз Иван Васильевич решил поднять Русь, то сделает это. А подъем невозможен без устранения угроз извне и расширения территории. Вот Казанское ханство присоединили, на очереди Астрахань, западные земли, а там, глядишь, и до Крыма недалеко. Дай только Бог здравия нашему государю. Давно народ ждал такого правителя, который не о богатстве бояр думает, а о всем народе. Но, ладно, по месту действий мне понятно. Кто пойдет старшим отряда от крепости?

– Погодь немного, познакомлю.

Воевода вызвал слугу, дал поручение, и скоро в залу вошел крепкого вида коренастый ратник в непростой одежде.

Воевода представил:

– Десятник Демид Хорин. И местность знает, и с татарами бился, и люди у него обучены. Десятник кивнул и посмотрел на московского гостя.

– Воевода особой царской дружины, князь Савельев Дмитрий Владимирович, – представил его князь Горинский.

– Доброго здравия, князь.

Савельев и Хорин пожали друг другу руки.

Воевода крепости распорядился:

– Ты, Демид, теперь с двумя десятками своей сотни в подчинении князя Савельева. Вместе будете биться с басурманами, что на наши земли вторгнутся.

Десятник вновь кивнул.

– Уразумел, князь, да только видел я особую дружину, не больно-то много в ней ратников, чуть ли не треть в ней – татары.

– Тебя, десятник, это смущает? – спросил Савельев.

– Есть немного.

– Ты по числу о силе дружины не суди, нам приходилось с сотнями татар биться, и не раз.

Воевода сказал:

– На такое дело, Демид, царь абы кого не прислал бы.

– Что, сам Иван Васильевич?

– Сам, – улыбнулся Савельев.

– И ты видел его?

– Как тебя.

– И говорил?

– Как с тобой.

– Чудно. Ну коли сам государь тебя знает, то другое дело. Мы за царя головы сложим.

– Ну зачем же складывать свои головы, надо головы басурман класть. И чем больше, тем лучше.

– То любо.

– Ну и добре. Ты готовь своих ратников, вечером пойдем к деревне Колшино, знаешь до нее дорогу?

– А как же? Я в округе все знаю. В Колшино староста Дороха Тихомир Петрович, мы вместе с ним еще в год большого пожара на Москве орду Касай мурзы, что разграбила земли Рязанские, тут по лесам гоняли.

– Разбили басурман?

– Разбить силенок не хватило, отбить невольников, что в полон гнали, тако же не получилось, Касай подмогу получил, но крепко мы его потрепали. Почитай, сколько ясыря взял, столько и своих разбойников потерял.

– Добро, – сказал Савельев, – после вечерней трапезы отряду быть здесь, на дворе княжеском. Поведешь объединенную дружину.

– Пошто в ночь решил идти?

– По расстоянию. До Колшино тридцать с лишним верст, да все по лесам, к рассвету выйдем. Заодно поглядим, как сторожа на постах службу несут. Там же в деревне отдохнем, поговорим со старостой. Решим, что делать дальше.

– Как скажешь, воевода!

Савельев взглянул на князя Горинского.

– Ты, Иван Васильевич, сказать ничего не желаешь?

– Только, что отряд твой, Демид, теперь в полном подчинении князя Савельева, тому мой приказ и государево повеление.

– Я то уже понял.

– Ну тогда ступай.

Десятник ушел.

После молитвы и трапезы Савельев прошел в гостевой двор, поглядел, как устроились его ратники, и ушел в опочивальню дворца, отдохнуть перед бессонной ночью.

Глава третья

Как стемнело, князь Савельев повелел собраться дружинникам во дворе дворца воеводы. К ратникам вышел и наместник Калуги князь Горинский. Хорин доложил о готовности своих десятков к походу. Ну а ратники особой дружины к тому были готовы всегда.

Савельев объехал строй, посмотрел обоз. К двум телегам особой дружины присоединились еще четыре калужского отряда. Их осматривать Дмитрий не стал, ведал, что подготовкой руководил сам калужский воевода.

Объехав дружину, Савельев подозвал к себе десятника Хорина, к ним подошел и князь Горинский.

Савельев распорядился, обращаясь к Хорину:

– Ты, Демид, посылаешь вперед проводников, они же будут в головном дозоре, за ними пойдет моя дружина, следом ты с десятками. На тебе прикрытие тыла и флангов, в местности лесной дозорным идти на расстоянии, чтобы их было видно. Кто пойдет старшим головного дозора?

Хорин ответил:

– Алексей Рудный, мой помощник, он же старшой второго десятка.

– Давай сюда его.

– Рудный! Лексей! – позвал Хорин.

– Тута я, десятник.

– Подойди.

Подъехал ратник, возраста среднего, с бородой и волосами, что пробивались из-под шлема, побитые сединой.

Хорин указал Савельеву на него:

– Алексей Рудный.

– Это я уже понял.

Князь взглянул на ратника.

– Десятник Хорин предлагает тебя старшим головного дозора, а тако же главой проводников. Ведаешь ли ты дорогу до деревни Колшино?

– Ведаю, воевода, как не ведать? Там братуха мой проживает, он в сторожах службу несет, можно сказать, правая рука старосты деревни Тихомира Дорохи.

– Сколько понадобится времени, чтобы дойти до деревни?

Ратник ответил:

– Коли пойдём чрез Голину елань, сделав до того привал большой на известной мне поляне, то выйдем затемно, но незадолго до рассвета.

– Поляна далече от елани?

– Пред лесом, вернее, между двумя частями леса, в балке, а значит, где-то верстах в трех от Голиной елани.

– А пошто не на самой елани? И пошто ту поляну лесную величают Голиной?

Рудный погладил бороду.

– Елань – место нехорошее.

– Отчего?

– То как раз от названия. Жил ране в Колшино знахарь Кузьма Голин. Лечил людей, как мог. Однажды, давно это было, когда наши деды еще не народились, и Русь разделена на княжества была, по тамошним местам ехал в Крым важный вельможа московский, с ним жена его молодая. На елани обоз привал сделал. Супружница вельможи порешила на коне проехать. Муж ни в какую, но бабенка, видать, капризная попалась, настояла на своем. Усадили ее на коня, а тот на дыбы, уж из-за чего, не ведаю, но мыслю, от того, что не привык конь к бабьим

телесам. В общем, встал конь на дыбы, жена вельможи свалилась и о землю вдарилась. Да так, что голову разбила и сознания лишилась. С обозом был проводник из местных. Он и поведал вельможе о знахаре. Вельможа, понятно, тут же повелел доставить Голина на елань. Ратники быстро привезли старика. А тот ничего сделать не смог, померла жена вельможи. Тот в ярости-то и зарубил знахаря. С тех времен елань эта нехорошим местом считается и называется Голиной. Так оно было или не так, не ведаю, о том старики сказывали.

– Значит, коли чрез елань пойдем, затемно выйдем к Колшино?

– Я с обозом торговым по этой дороге ходил. Тако же вечером из Калуги вышли, отдыхали в балке, перешли елань и затемно зашли в деревню.

– А месяц-то какой был? – поинтересовался Савельев.

– Май, князь, как и ныне.

– Понятно. Добре, пойдешь старшим головного дозора, возьмешь еще двух ратников второго десятка, а тако же отправишь людей в тыл и на фланги. Порядок продвижения поведает Демид Хорин.

Вскоре все было готово.

Горинский отвел Савельева в сторону:

– На вас, князь, на твою дружину особливо возложена большая надежа. Господь вам в помощь в этом светлом деле защиты земель русских.

– Все, что в наших силах, Иван Васильевич, сделаем, в том можешь не сомневаться. Ты городскую стражу держи в готовности. Мыслю, не оставят татары в стороне и крепость. Да гляди, хоть ты воевода и опытный, не однажды бился с басурманами, но в пылу сражения не поддайся на хитрость крымчаков и ногайцев, не дай выманить дружину в чистое поле. Татары так часто делают. Налетят, вдарят, получают отпор и как бы в бега. Ну а дружина крепостная, предвкушая легкую победу, за ними. И – прямо в засаду.

– То, Дмитрий Владимирович, мог и не говорить. То мне хорошо известно.

– Ну тогда давай команду открыть ворота, двинемся.

Дружина прошла по опустевшему с темнотой городу, слышна была лишь переключка стрельцов на башнях да на стене. Вышли чрез открытые ворота, что сразу же закрылись, вперед пошел головной дозор. Отошел он саженой на тридцать. Тогда Савельев обернулся, поглядел по сторонам. Позади, слева и справа, в десяти-двадцати саженьях находились дозоры флангов. Он поднял вверх руку и махнул перед собой, подавая сигнал – вперед.

Дружина пошла к ближайшему лесу.

Покуда была степь, шли быстро, в лесу же замедлились. Головной дозор подпустил дружину Савельева ближе двадцати саженой и прижались немного фланги. Иначе дозорных не было бы видно, чего в переходе допускать нельзя. Татары, коли пошли к крепости, снимут дозорных, и тогда дружина подвергнется нападению слева и справа. И тут самым губительным станет стрельба лучников. Десяток стрелков вражеских без труда выбьет более половины всей дружины. А это гибель. Посему, даже недалеко от города, русские ратники шли в готовности отразить нападение со всех сторон.

Служивые татары постоянно уходили то вперед головного дозора, то глубже фланговых в лес, возвращались, докладывали, что ворога поблизости нет. Им можно было верить. Оттого, как они знали повадки своих соплеменников, ставших им таким же неприятелем, как и русским, на службу которым они присягнули.

Дружина медленно, но верно шла по пути, определенному ратником Алексеем Рудным. Могли идти быстрее, да держал обоз, тягловые лошади тащили телеги, их не погонишь ночью. А погонишь, то лишишься тягла. Но главное – двигались спокойно, ворога не замечая.

После полуночи лес оборвался кустистой опушкой, за ним балка, далее широкий участок степи и другой лес. Впрочем, лес один и тот же, только разделенный на два массива.

В кустах головной дозор остановился.

Савельев подъехал к Рудному.

– Что, Алексей?

– Балка для привала большого, тута можем отдохнуть, тока треба выставить посты охранения.

– Проверьте эту балку, – распорядился князь.

Ратники головного дозора ушли в неглубокий, с пологим склоном овраг. Через некоторое время откуда выехал один из дозорных, Федор Сопарь:

– В балке спокойно, князь, можно заводить дружину и обоз, тока лошадям след помочь, а то телеги на спуске потащит, как бы чего худого не случилось.

Десятник Хорин сказал:

– То мое дело, князь.

– Вперед, в балку.

– Слушаюсь.

Дмитрий тут же распорядился выставить четыре поста охранения, один на вершине южного склона, другой севернее, два с запада и с востока на расстоянии в сто сажений, всем укрыться. На посты приказал отрядить по два ратника.

Приказ был выполнен. Особая дружина и десятки калужские, выставив телеги поперек балки, устроились на краткий отдых. Младшие начальники выложили из обоза провизию. Ели всухомятку, разводили костры князь Савельев строго запретил.

После привала к тянущемуся за участком поля лесу пошла разведка. Тот же головной дозор, только усиленный служивыми татарами Икрамом Гардаем и Рустамом Тураном. Татары шли впереди, вслушиваясь и принохиваясь. У них был какой-то особый нюх. Конский запах чувствовали на большом расстоянии.

Поле прошли быстро. Вошли в лес. В кустах татары присели, заводили носами. К ним подошли Алексей Рудный, Гришка Малой и Федька Сопарь.

– Чего тут? – спросил старший дозора.

Гардай обернулся:

– Пока никого и ничего.

– Так чего сидим?

– Помолчите, ратники, отдыхайте, скажу – пойдём.

– И чего сидеть? – недовольно произнес Малой.

Туран посмотрел на него.

– А под стрелу попасть не желаешь?

– Боже упаси, спросишь тоже.

– Тогда молчи.

Ратники сели между кустов. Просидели недолго.

Гардай подал команду:

– Идем правее, там будет дорога, по ней дойдем до елани, посмотрим. Но по самой дороге пойдём мы с Рустамом, вы же идите лесом, слева и справа.

– Через кусты? – спросил Сопарь.

– И что?

– Тока одежду рвать.

– Все, – сказал Гардай, – надоели вы, сидите тут, сами все посмотрим и доложимся князю.

Рудный понял, что это не дело, взглянул на ратников.

– Прекратить разговоры, слушать татар.

– Одних слушай, других бей. Смешалось все, не разберешь, – проговорил Малой.

– Рот закрой, – повысил голос Рудный, – сказал, сполнять, значит, сполнять. Сопарь пойдёт правее дороги, мы с Малым левее. И так, чтобы видеть и татар, и друг друга, держите оружие наготове. Понял, Гришка?

- А че Гришка? – засопел Малой. – Глупее всех?
- Ты понял меня?
- Понял.
- Держись рядом.
- Ладно.

Татары вышли на дорогу. Сопарь перешел ее, скрылся поначалу в лесу, затем появился вновь. Объявился и Алексей Рудный. Гардай кивнул:

– Вперед!

Малой пошел по дороге.

Три версты прошли за недолгое время. Покуда было темно. Вышли на окраину Голиной елани. Выход оказался узким, зажатый с двух сторон вековыми дубами, меж деревьев кусты. В них и укрылись татары. Ратники головного дозора остались глубже в лесу. На елани им было нечего делать. Они слушали ночную лесную жизнь, полную различных звуков, что не сразу и услышишь.

Татары отошли.

Гардай кивнул:

– На елани никого, в ближнем лесу тоже. Можно идти к Колшино. Нам всем возвращаться не след, ты старшой, – взглянул Гардай на Рудного, – пошли в балку своего человека, пусть скажет князю, что можно идти. А мы еще тут посмотрим.

Рудный в перепалку вступать не стал, в конце концов, татары состояли в особой царской дружине, а это не шутки.

Он кивнул Малому:

– Давай, Григорий, беги к московскому князю, передай: может вести отряд к елани. И не спрашивай тока, пошто ты. Так решено, и баста.

– Ничего я и не собирался спрашивать.

Ратник калужский пошел по дороге, все не лезть же через кусты.

Татары еще раз посмотрели елань, отошли.

Им бы остаться, но не было надобности. Возможно, впервые в жизни опытные воины допустили ошибку.

Как только они ушли, с южной стороны леса из кустов высунулась прыщавая рожа крымчака. Он внимательно оглядел елань, принялся.

Они не почуяли друг друга, так как слабый ветер дул с запада на восток.

Прыщавый татарин отполз к дороге. Там на конях его ожидал десяток татар во главе с десятником Баудином Армаком.

Разведчик сообщил:

– На елани никого, Баудин, можно идти.

– Прямо не пойдем, мало ли чего, пойдем вдоль восточной опушки.

– Как скажешь!

– Ты первый, – приказал он разведчику.

Прыщавый кивнул:

– Слушаюсь.

Он вскочил на коня и пошел через кусты вдоль восточной части леса. За ним двинулся десяток крымчаков. Один за другим в пяти саженьях друг от друга. Сабли в ножнах, луки за спиной, колчаны сбоку. У некоторых в руках пики.

Светало. До восхода солнца оставалось недолго, начинались утренние сумерки.

Крымчаки прошли две трети пути и вышли к узкому проходу северной части дороги.

В то же время к дубам подошла дружина Савельева. Отряду Хорина до того Дмитрий наказал держать расстояние в полверсты, не идти гуртом.

Татары с русской и с крымской сторон почуяли друг друга одновременно.

Савельев во главе дружины был уже у дубов перед выездом на елань, когда Гардай крикнул:

– Князь! Крымчаки!

Дмитрий отозвался немедленно, не было времени думать и расспрашивать у разведчиков подробности:

– К бою, ратники! За мной!

Дружина прошла «горло» елани, развернувшись в полукруг.

Савельев увидел десятника крымчаков слева, за ним отряд с десятком. Скомандовал:

– Все влево, лучникам в лес, оттуда стрелять. На татар, вперед!

Оставив лучников Истому Уварова и Надежу Дрозда, Савельев повел отряд на крымчаков, торопливо вооружавшихся.

Вражеский десятник, видно, имел большой опыт сражений. Ведая, что в засаде никого нет и его десяток один против русских, он заорал:

– Бей неверных!

И ударил коня в бока.

Тот полетел прямо на Савельева. Крымчаки и русские развернулись в линию и навалились друг на друга.

Крымский десятник, подлетев к Савельеву, хотел сразу сбить его с седла кривой саблей. Но Дмитрий отбил удар. Подняв коней на дыбы, поединчики развернули их. И вновь сшиблись друг с другом. На этот раз татарин отбил режущий удар князя. Дмитрий едва не вылетел из седла.

Вновь разворот и вновь схватка.

Никто им не мешал. На елани шла общая рубка.

Савельев сделал выпад, намереваясь нанести колющий удар, татарин попался на хитрость, он махнул саблей перед собой в намерении отбить выпад, и тут Дмитрий резким взмахом вдарил по сабле татарина. Она вылетела из рук, воткнувшись в дерево, за которым прятались ратники дозора, выжидая момент вступить в сражение. Выбив у врага оружие, Дмитрий тут же нанес удар по его шлему. Конь противника встал на дыбы. Татарин свалился на землю. За ним прыгнул князь. Татарин попытался достать нож, но Дмитрий ударил его рукояткой сабли в нос. Хлынула кровь, однако противник сумел нанести удар ножом. Попал в кольчугу. Князь вскочил, рубанул саблей по руке. Кисть татарина отлетела вместе с ножом. Он дико взвыл. Видя, что враг повержен и более не может сопротивляться, князь обернулся к сечи. Его дружинники явно превосходили татар. Половина поганых уже валялась на окровавленной земле. Двое не выдержали, побежали к спасительному лесу. Тут в бой вступили лучники. Стрелы, пропевая свою песню, рассекая воздух, вонзились под шлемы убежавших. Им не помогла и бармица. Остальных ратники порубили быстро.

Из лесу вышли калужские воины дозора. Стояли, смотрели.

Савельев крикнул им:

– Чего рты разинули? Быстро факел!

Ратники срубили ветку березы, обломали лишку, навернули на нее тряпицу, подожгли.

Рудный спросил:

– И чего далее?

Князь указал на раненого татарина.

– Видишь, кровь из обрубка льет, прижечь.

Еще более страшный вопль раздался над еланью, отразившись от деревьев, он заметался эхом по лесу, будя еще не проснувшихся птиц и мелкого зверя. От боли татарин потерял сознание, но кровотечение прекратилось. Впрочем, он потерял слишком много крови и мог испустить дух в любой момент. Савельев ударил его по щекам, привел татарина в чувство.

– Кто ты? – спросил он.

Татарин посмотрел на обрубок, вновь закричал и получил пинок в бок.

– Я помогу тебе выжить, – сказал Савельев, – коли ответишь на мои вопросы.

– Спрашивай, – процедил сквозь покусанные губы раненый.

– Кто ты?

– Десятник полусотни мурзы Азамата Баиса.

– Зачем здесь?

– Мурза послал посмотреть дорогу чрез лес.

– Пошто?

– Не ведаю. Наказал глянуть, нет ли поблизости села или деревни.

– А сам он где?

– В дальнем лесу.

– Что встал там?

– Помоги, русин.

Подскочил Федька Сопарь.

– Дозволь, князь, я могу унять боль, у нас в роду много знахарей, учили и меня.

Савельев спросил:

– Как снимешь?

– Травой. Тут ее навалом.

– Давай!

Сопарь принялся рвать траву с мелкими желтыми цветками и подорожник. Вырвал из рубахи клочок, положил на землю. Искромсал траву ножом, брызнул из бурдюка воды. Начал мять, покуда не получился ком, похожий на глиняный, только зеленый. Сунул татарину:

– Ешь!

Тот, давясь, проглотил.

– И чего? – спросил Савельев.

– Погодь, это еще не все.

Ратник бросился в лес.

Князь взглянул на Рудного.

– Куда это он?

Старшой дозора ответил:

– Ты ему не мешай, он ведает, что делать.

Сопарь вернулся с охапкой растений, среди которых была молодая крапива. И вновь все измельчил, сбрызнул водой. Но эту смесь глотать татарину не дал, положил на обугленную рану.

Татарин откинул голову назад, шлем его слетел еще после удара о землю.

– Легче? – спросил Савельев.

– Немного полегчало.

– Тогда ответствуй, пошто мурза встал в дальнем лесу и как далече от деревни Колшино?

– По то и встал, что деревня близко, в трех-четыре верстах, и после восхода солнца он поведет четыре десятка в это Колшино.

– После восхода?

– Да.

– Мурза не знает местность?

– Отчего ты так подумал?

– Оттого, что послал тебя глянуть, есть ли поблизости селения.

– Не ведаю. Карта у него есть, тока древняя и обветшалая, кусок, где этот лес, вырван.

– Ясно.

– Что ты сделаешь со мной?

– Оставлю тут. Выживешь – живи, сдохнешь – на обратном пути закопаем.

– На обратном пути. Ты хочешь идти в Колшино?

– То не твое дело.

Татарин как-то странно дернулся, вздохнул глубоко трижды и замер на мгновение. Потом тело сотрясли судороги.

Сопарь покачал головой.

– Сдох-таки. А все потому, что крови из него вылилось много. В иной раз выжил бы. Да и черт с ним.

Показался отряд Хорина. Всадники разъехались по елани. Десятник калужской городской стражи подъехал к Савельеву, недоуменно глядя на порубленных татар.

– Что тут было, князь?

– Не видишь, Демид? Сечь была, нарвались на ертаул крымчаков. Ну и положили их.

– Лихо. А мы и не слышали, тока крик дикий, непонятно чей, вроде человеческий, а вроде и нет.

– Вон тот кричал, – указал на безрукого татарина Дмитрий. – На меня налетел. Бились.

– Руку ему отрубил, да в руке-то нож. Это чего, до рукопашной дошло?

– Считай, так. Но – хватит разговоров. Вот-вот поднимется солнце, а с восходом из леса, что южнее этого, по Колшино ударят четыре десятка мурзы Баиса.

– Вот же псы окаянные. Отряд, сбор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.